

культура

ПРЕМИЯ ЛИТЕРАТУРА

Годы взяли свое

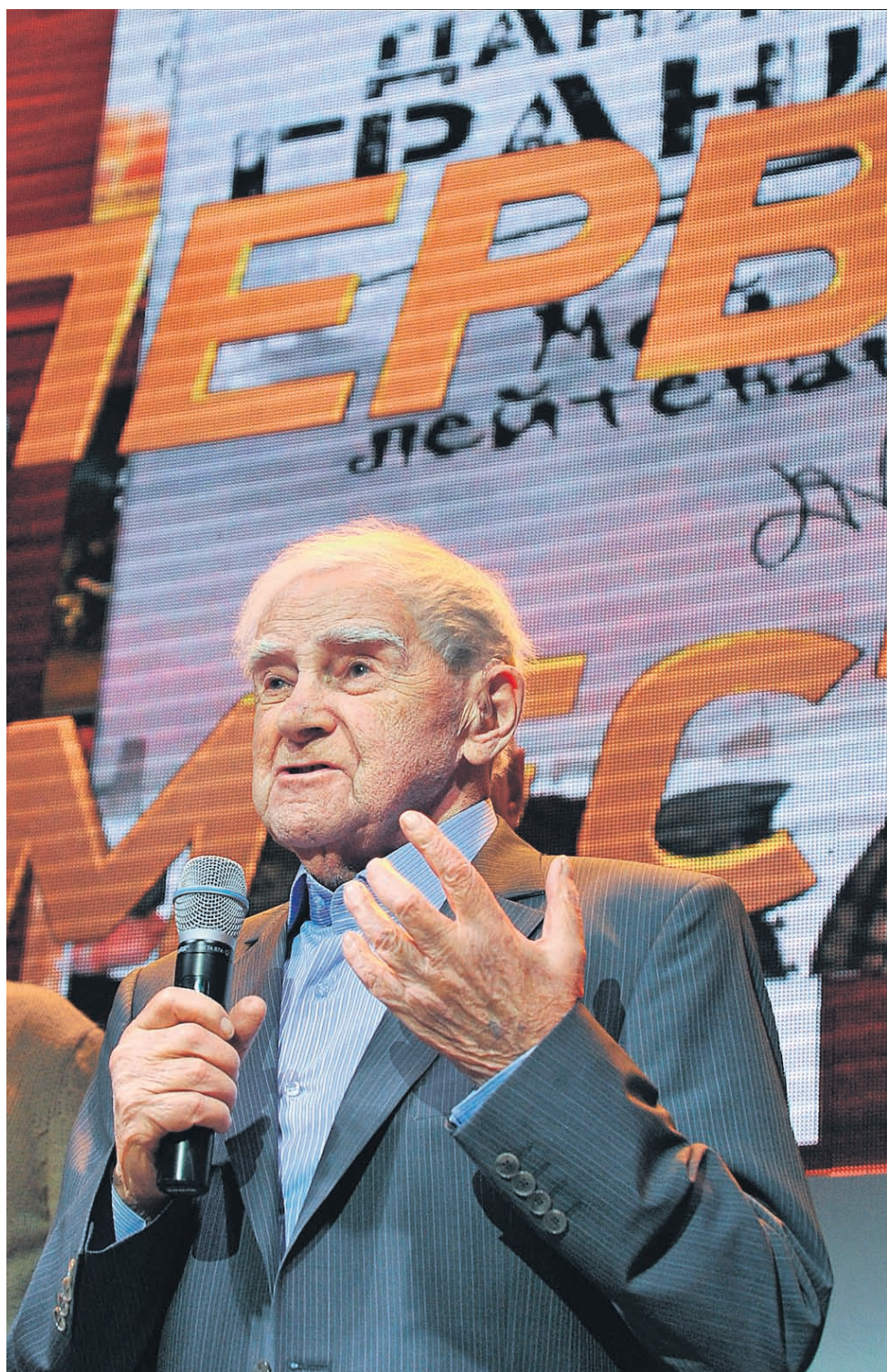
Даниил Гранин получил главную премию «Большой книги»

Во вторник национальная литературная премия «Большая книга» в седьмой раз объявила имена лауреатов. Главную премию получил один из старейших отечественных писателей Даниил Гранин. Вторую премию получили совместные воспоминания Александра Кабакова и Евгения Попова «Аксенов», третью — роман Марины Степновой «Женщины Лазаря». В читательском голосовании с немалым отрывом лидировал труд архимандрита Тихона Шевкунова «Несвятые святые». Рассказывает АННА НАРИНСКАЯ.

Главная интрига нынешней «Большой книги» состояла в том, получит ли архимандрит Тихон «профессиональную» премию из рук жюри или дело ограничится только народным выбором — настолько же беспрецедентно единодушным, насколько вообще беспрецедентным был успех этой книги. (Количество проданных экземпляров перевалило за миллион, а бурные обсуждения «Несвятых святых» появлялись в таких непривычных для литературных дискуссий местах, как, например, форумы мотоциклистов.)

Дать, конечно, было бы не совсем прилично — тогда вышло бы, что прогрессивная в большинстве своем общественность, составляющая обширное (несколько десятков человек) жюри этой премии, мало чем отличается от населения, увлекающегося православными байками. И вообще довольно странно (хоть и занятно) было бы видеть, как архимандрит Тихон — наместник московского Сретенского монастыря, ректор Сретенской духовной семинарии, ответственный секретарь Патриаршего совета по культуре, а по слухам еще и личный духовник Владимира Путина — эту премию из рук этой общественности получает, в то время как девушки из Pussy Riot находятся в колонии, а введение православных политикоформаций в школах кажется уже практически неизбежным. Хотя сейчас — когда эти приличия вроде бы соблюли и премию не дали — становится совсем непонятно, зачем эти вот православные байки с таким вот их автором и тогда уже очевидным их суперуспехом вообще включали в короткий список премии. Всем было бы удобнее, если бы «Несвятые святые» шли по разряду событий внелитературных.

Впрочем, главную премию в итоге получил текст, проходящий в принципе по этому же разряду. Роман-воспоминания «Мой лейтенант» 93-летнего Даниила Гранина можно воспринимать как дань уже почти ушедшему военному поколению («Мы уходили по главной аллее, древнеримские боги смотрели на нас»), трогательное воспоминание о юности («Сидели тесно прижатые друг к другу. Было приятно чувствовать ее бедро, и это мешало спо-



Решение о вручении награды роману 93-летнего Даниила Гранина «Мой лейтенант» стало компромиссом между читательским голосованием и мнением жюри. ФОТО ВЯЧЕСЛАВА ПРОКОФЬЕВА

рить с ней, а ей не мешало») или как еще одно непарадное описание войны («Бросали пушки, пулеметы, снаряды, машины. Стояла жара. Отступление было обозначено пожарами, вздувшимися трупами

лошадей и солдат. Короче — воню. Поражение — это смрад. Одежда, волосы — все пропитано едкой гарью, смрадом гниющей человечины и конины»). Но нельзя — как свежее или даже вообще какое-то слово в теперешней литературе. На этой церемонии Даниил Гранин получил приз «За честь и достоинство» — и это решение кажется свидетельством вменности жюри и организаторов. Врученная же ему первая премия кажется свидетельством решения не принимать решение.

ГАСТРОЛИ ПОП

Бразильское село пришлось к городу

Мишел Тело спел в Crocus City Hall

Прошли первые российские гастроли бразильского поп-музыканта Мишела Тело. БОРИС БАРАБАНОВ позавидовал стране, которая может рождать международных звезд, практически не подражаясь под остальной мир.

Мишел Тело, мужчина из бразильской провинции, исполняет сертанежу, музыку, которая до его появления не могла сравниться в экспортной ценности с самбой, босановой и байле-фанком. Самба ценна для остального мира эротизмом и ассоциируется с карнавалами, босанова привлекает утонченностью и джазовым привкусом, а байле-фанк связан с отчаянной городской молодежью. Сертанежу — музыка сельская, простая, как правда. И тем не менее в бразильских чартах она успешно конкурирует с самбой, а благодаря Мишелу Телу стала в последние пару лет новой музыкальной модой не только в испано- и португальскоязычных странах, но и в Канаде, США, Израиле и странах Европы.

Самый успешный трек Мишела Тело — «Ai Se Eu Te Pego», чаще его называют по первому строчка текста — «Nossa, Nossa». Только на официальном канале певца в YouTube ее посмотрели 462 млн раз. Существует англоязычная версия композиции, но Мишел Тело знает английский в пределах «спасибо — до свидания». В отличие от другого интернет-феномена 2012 года, корейского рэпера Сая, Мишел Тело совсем не занимается подгонкой своих песен под американские и европейские поп-форматы. На любой сцене мира он поет так, как поют в бразильских деревнях. За его спиной есть барабаны, бас и гитары, но главный инструмент в аккомпанементе — аккордеон.

Так было и в Crocus City Hall. Правда, в качестве задника певец использовал экран, транслировавший как картинку из зала и крупные планы музыкантов, так и специально подготовленные видеоряды. Но видео не было решающим моментом сцениграфии. Важнее простецкая внешность героя и общее ощущение неподдельной провинциальности происходящего. В какой-то степени сценическое действие Мишела Тело можно соотнести с французской Заз. В ролях, обеспечивших ей популярность, тоже на первом месте был не постановочный раз-



Мишел Тело исполняет сертанежу — простую сельскую музыку, которая благодаря ему стала новой музыкальной модой во всем мире. ФОТО ДЕНИСА ВЫШИНСКОГО

мах или кричащая сексапильность, а простота и уличный колорит. Месседж — проще не придумаешь: «Мы такие же, как вы!»

Важный элемент шоу — сценическое движение Мишела Тело. Он не танцует, а скорее приплясывает, но, пожимая плечом в своей характерной манере, он мгновенно создает атмосферу сельской танцплощадки. Многие склонны объяснять секрет популярности Мишела Тело тем, что бразильские футболисты взяли моду исполнять нехитрый танец, сопровождающий «Ai Se Eu Te Pego», после гола, причем забитого не только за родную сборную, но и за европейские клубы. В интернете можно найти подробнейшие сведения о том, кто и на каком матче танцевал в стиле Мишела Тело. Танец переняли европейские игроки, а вместе с ним стимулировали моду на песню и на ее исполнителя. Следующий шлягер Мишела Тело «Vaga Vaga», похоже, тоже войдет в число главных хитов 2012 года, сейчас от него некуда деться.

Судя по публике, собравшейся в Crocus City Hall, популярность Мишела Тело имеет здесь несколько иную демографию. Для зрителей была открыта только нижняя часть зала, партер сделали танцевальным, и все это пространство было заполнено танцующими и визжащими детьми (если не считать бразильских экспатов в футболках цветов национального флага). Несмотря на удаленность зала от центра Москвы и сравнительно позднее начало концерта (певец вышел на сцену примерно в 20:20), родители привезли своих чад, сходящих с ума от песен бразильца. Вместе с корреспондентом «Б» в метро до станции «Мякинино», расположенной рядом с «Крокусом», ехали несколько мам с сыновьями, чьи волосы были явно специально уложены в подражание прическе господина Тело. В его песнях, построенных на простом танцевальном ритме и насыщенных беззаботными аккордеонными партиями, и вправду есть нечто мультипликационно-пионерлагерное.

Далекая Бразилия в очередной раз встряхнула музыкальный рынок, выдав зажигательный продукт, который работает без перевода на понятный во всем мире язык, на чистой искренности.

ВЫСТАВКА СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО

Рефлекс железного занавеса

Две выставки русского искусства в галерее Saatchi

В лондонской галерее Saatchi открылись сразу две выставки, посвященные русскому искусству второй половины XX — начала XXI века. Это «Из-под льда: московское искусство 1960–1980-х» (Breaking the Ice: Moscow Art 1960–80s), основанная на частной коллекции Игоря Цуканова, и «Веселье — главная особенность Советского Союза», представляющая собственное собрание галереи Чарльза Саатчи. Отголоски действия «железного занавеса» услышала на обеих выставках ТАТЬЯНА МАРКИНА.

Выставки молодых художников в галерее Saatchi не бывают неинтересными — это аксиома, на постоянное утверждение которой Чарльз Саатчи потратил два десятилетия. Но необходимость постоянно поддерживать имидж провокатора, шокировать публику начинает играть с ним злую шутку. Интересно вообще-то узнать, как оценивала национальная критика предыдущие плоды трудов Саатчи по поиску новых талантов среди китайских и индийских художников. Вот американцы, помнится, были не особенно удивлены его отбором среди художественной молодежи США.

Саатчи, несомненно, гений маркетинга и рекламы, он с потрясающей скоростью и чутьем выхватывает из контекста все самое цепляющее, удивляющее и шокирующее — чтобы создать из этого эклектичную нарезку, имеющую так же мало отношения к конкретному продукту, как и телевизионная реклама к предмету того, что она рекламирует. Название выставки — «Веселье — главная особенность Советского Союза», оканчивается, было произведено господином Саатчи из сталинского лозунга «жить стало лучше, жить стало веселее». Горькую иронию, с которой у нас до сих пор произносят эти слова, он уловил правильно, но только с СССР художники его выставки ничем не связаны.

Шокирующее ядро экспозиции, занимающей огромные залы первого и второго этажа галереи, — это фотографии Бориса Михайлова, мастера немолдого, заслуженного и давно знаменитого, снимавшего на развалинах не советской, а уже ельцинской России бомжей и бродяг. Показаны все 413 фотографий («История болезни» — язвы, гениталии, расположенная плотью, разрушенное сознание. Тема подкрепляется снимками татуированных заключенных Сергея Васильева, сделанных на рубеже 1980–1990-х годов: с их грудей подмигивают друг другу Ленин и Сталин. Это, и правда, страшно. Еще одну ниточку из девятых лет тянет впечатляющая серия фотографий Викентия Нилина (начата в 1993 году) — застывшие в неустойчивых позах на подоконниках своих обшарпанных пятиэтажек «Соседи»: или прыгнут, или уже и незачем.



Среди экспонатов выставки «Веселье — главная особенность Советского Союза» — серия фотографий Викентия Нилина. 1993. IMAGE COURTESY OF THE SAATCHI GALLERY, LONDON

Политическую актуальность обеспечивает инсталляция Гоши Острцова «Криминальное правительство» (2008) — заточенные в картонные камеры, истязаемые фигуры в масках, под которыми может оказаться какое угодно лицо. С приобретением этой работы и зародилась у Чарльза Саатчи идея показать современных русских художников. Однако ею и закончилось искусство, хоть как-то рефлексировавшее по поводу российской (забудем уж о советской) действительности. Почти все остальные художники на выставке, действительно молодые и перспективные ребята, учились и живут не в России. Они делают качественное, европейское современное искусство, благополучно отрезанные от родины все еще не проржавевшим железным занавесом. Брутальные «Шафоты сегодня» — памятники завтра? Ники Нееловой,

граффити Сергея Пахомова, украшенный неприличными словами экспрессионистами Тамуны Сирбиладзе, остроумная пародия на коров в формальдегиде Дэмиена Хёрста — пирамида из банок с консервированными овощами и грибами Даши Фурсей. Дистанцирование от РФ, не говоря уже об СССР, на качестве искусства сказало хорошо; вот только огурчики в банках — европейские корнишоны, не наши, не с грядки (хоть лондонские арт-критики трогательно истолковали эту инсталляцию как напоминание о советских голодных временах, когда надо было заготавливать продукты). Разве что сердца из папье-маше Дарьи Котовой, смахивающие на оципаных индеек, томят каким-то очень русским отчаянием.

Может, и несправедливо постоянно требовать от художника демонстрировать свою русскую и прочую достоинству, нажимать в мозгах зрителя эту «кнопку», вызывая слюнотечение удовольствия. Но вот Чарльз Саатчи не упустил ни одной «кнопки», на которую надо нажать. Ребекка Уилсон, директор Saatchi Gallery, рассказала The Daily Telegraph, что «олигархи из России платят огромные деньги за работы западных художников, но совершенно не покупают произведения российских представителей современного искусства. В Москве не так много галерей, где бы эти художники смогли выставить свои работы».

«Два мира — два детства». Если уж пользоваться советскими лозунгами, то так можно определить взаимоотношения между экспозицией Саатчи и той, что расположена в мезонине галереи. Поддержанная «Фосатомом», корпорацией «Открытие» и «Буровой компанией Евразия» выставка «Из-под льда» задумана лондонским Tsukanov Family Foundation, и кроме произведений из коллекции бизнесмена Игоря Цуканова, объединяет работы из десятка частных и музейных коллекций, от музея Циммерли до Государственного Русского музея. Куратором стал Андрей Ерофеев. Он сделал шаг навстречу европейскому сознанию — сгруппировал работы все тех же, главных художников андерграунда по темам, близким западной истории искусства: абстракция, поп-арт, концептуализм; ну и метафизическое искусство и соц-арт, конечно.

В целом эта выставка сделана с по-хорошему («советским») уважением к искусству, снабжена огромнейшим каталогом, полным текстов и редких архивных материалов. Со своими в живописи цвета выкрашенными стенами она кажется, по сравнению с «выбором Саатчи», слегка занудной. Она, со своей стороны, тоже под ирает железный занавес — не дает советскому нонконформизму, этому бледному подземному растению, угнать в свободно произрастающем месиве западных течений. Как рассказал Игорь Цуканов, одной из важнейших задач было объяснить контекст, давший такие странные плоды: редкие, самые ранние абстракции начала 1960-х Владимира Немухина и Лидии Мастерской, кажется, никогда не представлявшиеся «кибернетические» рисунки Юрия Злотникова, мобиль из веревочек Франциско Инфанте, не оформившиеся еще, не достигшие идеальной гладкости «рожи» Олега Целкова. В разделе соц-арта моделирована первая выставка, которую в 1973 году затеали провести Комар с Меламидом, но были обезврежены КГБ.

Неким мостиком между этими галереями Саатчи можно считать специально сделанную для «Из-под льда» инсталляцию Ильи Кабакова: погром на выставке. Несколько невинных соцреалистических полотен пробиты и разрезаны, вот и топор валается в куче битого стекла. Шокирующее событие, неизменно привлекающее внимание публики или к погромщику, или к автору убоиного искусства. И тем и другим тут является Илья Кабаков, и у него со славой все в порядке. Так что главным вопросом остается все тот же: должно ли искусство быть шокирующим, чтобы нравиться зрителям?

УМЕР ИГОРЬ ВУЛОХ

В Москве на 75-м году жизни скончался художник Игорь Вулох. Он родился в Казани, учился в Казанском художественном училище, и трудно отделаться от мысли, что странная вулоховская живописность, дико-ватая и необъяснимая, не убавая и переиздавая в Москве, дальнейшей учебной на художественном факультете ВГИКа, московскими выставками и знакомством с сектой различных нонконформистов, шла от тогда запретного кумира казанской школы Николая Фешина. Эти звучные, несмотря на общую белебесность, серовато-сизые или сероватобурные гаммы, эта захлебывающаяся сама в себе краска — плоть от плоти фешинской живописи, которую Вулох перевел на язык абстракции, внешне похожей на ташизм и информель. Впрочем, он был не столько чистый абстракционист, сколько чистый пейзажист: пейзажные мотивы приходят в названия его вроде бы неизобразительных картин начиная с 1960-х, и это вовсе не по цензурным соображениям — глаз неземно узнает в полосах и пятнах, основанно по фактуре красочном рельефе голую ослепленную стель, уходящую вдаль дорогу или увиденное из окна лоскутное одеяло крыш.



С пейзажем был связан и его первый большой успех в столице: на Всесоюзной художественной выставке в Манеже вулоховскую «Зиму» заметили и расхвалили мамы, Сергей Коньков и Константин Юон. После переезда в Москву Вулох вел характерную для творческой интеллигенции хрущевско-брежневских лет двойную жизнь: вступил в МОСХ, участвовал в союзных выставках, попадал в собрания Русского музея и Третьяковки, при этом дружил с раскольными вроде Василия Шукшина и Анатолия Зверева, бывал у коллекционера авангарда Георгия Костяки, три года проработал ассистентом на кафедре западных вероисповеданий Духовной академии при Троице-Сергиевой лавре и продолжал духовные поиски в глубинах красочных слов. Ближайшим другом художника был поэт Геннадий Айги, посвятивший ему большой цикл стихотворений. Аскетичную — не в пример слишком фактурной и «проработанной» живописи — графику к стихам Геннадия Айги, равно как и поэзии прошлого и будущего, можно назвать вершиной творчества Игоря Вулоха. Анна Толстова

11.12.2012

тематическое приложение к газете «Коммерсантъ»

Приглашаем к участию рекламодателей (499) 943-91-08 / 10 / 12, (495) 921-23-53
Ольга Савинова
kommersant.ru

Здравоохранение



Коммерсантъ